

Воспоминания об Учителе

Сергей Васильевич Никольский стал для меня очень важным человеком на значимом этапе моей жизни: он помог мне осуществить свою мечту — поступить в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР и реализовать себя в любимом деле. Более того, со временем я все отчетливее осознаю масштаб его фигуры и как ученого, и как человека.

Мне, вчерашнему русисту, после окончания филфака МГУ работавшему редактором в одном из ведущих советских издательств, решившему продолжить свое образование и начать реализовывать себя на новом поприще, было совсем непросто. Было неясно, какую литературу я буду изучать и кто станет моим научным руководителем.

С одной стороны, я уже на старших курсах университета начала параллельно с освоением программы русского отделения изучать сербский язык (сначала на истфаке) и историю сербской литературы (факультативно). С другой стороны, после кончины Е.И. Рябовой для сектора истории славянских культур вставал вопрос острой необходимости подготовки специалиста по словенской литературе. Ну и понятно, что в таких условиях меня, «темную лошадку», никто не хотел рассматривать в качестве своего будущего аспиранта. Согласился только Сергей Васильевич, не смотря на свою объемную и многогранную научную и научно-

организационную деятельность (правда, после того, как ознакомился с моим дипломом и побеседовал со мной). Фактически он уберег меня от творческого кризиса и помог мне после консультаций с коллегами, хорошо знавшими особенности литератур народов Югославии (Г.Я. Ильиной, Р.Ф. Дорониной и др.), выбрать тему и направленность исследования. Хотя даже здесь было много разных мнений по поводу выявления главной фигуры будущей диссертации – Ивана Цанкара.

Поступив в аспирантуру, я влилась в сектор (с 1993 г. – центр и с 2012 г. – отдел), где уже после защиты кандидатской диссертации в 1990 г. проработала многие годы. И с каждым днем узнавала о своем научном руководителе все больше удивительных и восхищавших меня вещей.

Будучи главой сектора истории славянских литератур нашего Института с 1954 г. (а фактически, как вспоминала Л.Н. Будагова, с 1951 г.) по 1988 г. (т.е. более 30 лет), он проявлял доброжелательность, тактичность, внимательное отношение к мнению своих коллег, умел создать творческую рабочую атмосферу. Ему удавалось объединять людей, снимать напряжение при обсуждении самых разных и острых вопросов. У него была своя, особая харизма. Как мне кажется, в полной мере это проявлялось во время подготовки многих коллективных трудов сектора. Я же смогла лично оценить особенности этой творческой атмосферы в период обсуждения статей-глав и подготовки к изданию трехтомника «История литератур западных и южных славян» (тт. I–II – 1997 г.;

т. III – 2001 г.), поскольку участвовала в этой работе в качестве одного из авторов.

В этом коллективном труде С.В. Никольский выступал и как член редакционного совета, и как член редколлегии II и III томов, и как ответственный редактор II тома, а также как автор глав по истории чешской литературы разных периодов.

Сергей Васильевич умел слушать молодых, меня в том числе: и когда я советовалась с ним по поводу тематики новых исследований, и когда высказывала ему свою, еще не совсем твердую позицию в отношении работы с новыми материалами. Так, во время подготовки к написанию глав для коллективного труда по истории литератур южных и западных славян, он единственный с самого начала поддержал мое стремление включить в главу о словенской литературе 1941–1945 гг. не только разбор партизанской литературы, но и анализ произведений, созданных в эти годы писателями разных направлений (чего ранее наши литературоведы не делали). Способность заметить творческую искру, ободрить, в исключительно тактичной форме убедить собеседника – в этом состоял его великий дар.

В нем сочетались самые разные таланты и способности.

Он был и бойцом, и дипломатом: многие годы руководил делом с преимущественно женским составом.

Он был и внимательным учителем, и заинтересованным слушателем – не раз он поддерживал мои устремления расширить горизонты изучения литературы словенцев: наряду с Иваном

Цанкаром высветить и других крупных писателей разных периодов, углубленно исследовать словенско-русские связи в области литературы и культуры.

Он преподавал мне необычайно ценные уроки работы с источником: будь то архивный документ или литературный текст. Под его руководством я осваивала и развивала методику анализа художественного произведения с особым вниманием к биографии и психологии писателя и историко-культурной ситуации, в которой он творил. Мой научный руководитель мягко и настойчиво, особенно собственным примером (а его работы я прочитывала на одном дыхании, а подчас и не один раз) предлагал мне не бояться включать в исследование сравнительно-аналитического характера новые данные, даже из других литератур.

Мне была близка и полезна (особенно при изучении творчества И. Цанкара) еще одна характерная черта исследовательской методики С.В. Никольского, о которой написала С.А. Шерлаимова (в статье «С.В. Никольский – исследователь чешско-русских литературных взаимосвязей»¹). Это его способность «постичь „метафизику“ художественного произведения, не ограничиваться внешним описанием или детальным анализом отдельных художественных приемов», а постараться выявить «возможный скрытый смысл авторского высказывания, образа, метафоры»².

¹ Шерлаимова С.А. С.В. Никольский – исследователь чешско-русских литературных взаимосвязей // С.В. Никольский и современная славистика. В честь 90-летия со дня рождения ученого. М., 2013. С. 36–44.

² Там же. С. 41.

Для меня Сергей Васильевич Никольский был и Учителем с большой буквы, и строгим внимательным критиком, в чем я убедилась еще на стадии завершения текста диссертации. Благодаря ему реализовалась моя мечта.

Я успела самыми разными словами и делами выразить ему свое уважение, признательность и благодарность. И он понимал, что это — от сердца.